

Как только пробило полночь, он перестал размышлять. До полуночи он что-то писал. Теперь шариковая ручка лежала перед ним на газете, параллельно крайней правой вертикали кроссворда. Он сидел на шатком деревянном стуле за низким столом в убогой чердачной камерке, сидел прямо и совсем неподвижно. Над его головой висел бледно-желтый абажур с длинной бахромой. Ткань выцвела от старости, лампочка светила тускло и неровно.

В доме было тихо, но тишина была неполной, ибо под его крышей дышали три человека, да и снаружи доносился какой-то непонятный звук, прерывистый, едва слышный. То ли рокот машин на дальних дорогах, то ли гул моря. Звук исходил от миллиона людей. От большого города, забывшегося тревожным сном.

Человек был одет в бежевую лыжную куртку и серые лыжные брюки, черную водолазку машинной вязки и коричневые лыжные ботинки. У него были длинные, но ухоженные усы, чуть

светлее, чем гладкие, зачесанные назад волосы с косым пробором. Лицо было узкое, профиль чистый, черты тонкие, под застывшей маской гневного обвинения и непоколебимого упрямства пряталось выражение почти детское — мягкое, неуверенное, просительное и немного себе на уме.

Взгляд светло-голубых глаз казался твердым, но пустым.

В общем, человек этот походил на маленького мальчика, который внезапно стал глубоким стариком.

Битый час он сидел неподвижно, положив руки на колени и устремив невидящий взгляд в одну точку на вылинявших цветастых обоях.

Затем он встал, пересек комнату, открыл дверцу шкафа, запустил туда левую руку и снял что-то с полочки для шляп. Длинный предмет, завернутый в белое кухонное полотенце с красной каймой.

Это был штык от карабина.

Человек взял штык и, прежде чем спрятать в ножны, отливающие голубизной стали, бережно отер желтую солярку.

Хотя человек был высокого роста и довольно плотный, он все делал легко и проворно, быстро, рассчитанными движениями, и руки у него казались такими же твердыми, как и взгляд.

Он расстегнул ремень и продернул его через кожаную петлю ножен. Затем он застегнул молнию на куртке, надел перчатки, твидовую кепку и вышел из дома.

Ступеньки застонали под его тяжестью, но самих шагов не было слышно.

Дом был маленький, дряхлый и стоял на вершине холма, над шоссе. Ночь выдалась прохладная, звездная.

Человек в твидовой кепке обогнул дом и с уверенностью лунатика вышел на подъездную дорогу.

Он открыл левую переднюю дверцу своего черного «фольксвагена», сел за руль и поправил штык, прижатый к правому бедру.

Включил зажигание, дальний свет, задним ходом вывел машину на шоссе и поехал к северу.

Маленькая черная машина неслась сквозь ночь уверенно и неумолимо — так небесное тело в состоянии невесомости рассекает мировое пространство.

Вдоль дороги плотной стеной шли строения, и город, накрытый световым колпаком, мчался навстречу — большой, холодный и пустынный город, в котором не осталось ничего, кроме голых резких граней из металла, стекла, бетона.

Даже в центральных районах не было в эту пору ни людей, ни движения. Все замерло, если не считать нескольких ночных такси, двух ка-

рет «скорой помощи» да полицейской машины, окрашенной в черный цвет, с белыми крыльями. Машина быстро пронеслась мимо с характерным воющим звуком.

На светофорах красный свет сменялся желтым, желтый зеленым, зеленый желтым, желтый красным — с никому не нужной механической монотонностью.

Черный «фольксваген» строго соблюдал правила движения, ни разу не превысил скорость, сбавлял газ на поворотах, останавливался при красном свете.

Теперь он ехал по Вазагатан, мимо недавно отстроенного отеля «Шератон» и Центрального вокзала, потом свернул налево у Норра Банторьет¹ и продолжил путь по Торсгатан — все время к северу.

На площади стояло увешанное лампочками дерево, пятьсот девяносто первый ждал на остановке. Над Санкт-Эриксплан висел молодой месяц, и синие неоновые стрелки часов на здании издательства «Бонниер»² показывали точное время. Без двадцати два.

¹ *Норра Банторьет* — сквер в центре Стокгольма, разбит на месте первого Северного железнодорожного вокзала, от которого и получил свое название. (*Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. ред.*)

² Высотное здание в стиле функционализм, построенное в 1949 году. Является архитектурной доминантой района Вазастан.

В эту минуту человеку за рулем «фольксвагена» исполнилось тридцать шесть лет.

Он повернул к востоку и поехал по Оденгата́н, мимо пустого Ваза-парка¹, где холодные, белые, режущие глаз фонари освещали тесное сплетение десятков тысяч голых ветвей.

Черная машина повернула вправо, на Далагата́н, проехала сто двадцать пять метров в южном направлении, затормозила и остановилась.

Человек в лыжной куртке и твидовой кепке с нарочитой небрежностью поставил машину двумя колесами на тротуар перед институтом Истмена².

Он вылез в ночную тьму и захлопнул дверцу машины. Было 3 апреля 1971 года, суббота.

С начала суток прошел всего один час и сорок минут, стало быть, еще и не могло произойти ничего существенного.

¹ *Ваза-парк*, как и район Вазастан, в котором он расположен, названы в честь шведского короля Густава I Вазы (1496–1560).

² Стоматологический центр, открытый в 1939 году на благотворительные средства основателя компании «Кодак» Джорджа *Истмена* (1854–1932). Первая стоматологическая клиника в Швеции, где бесплатно лечили детей.

II

Без четверти два действие морфия прекратилось.

Последний укол сделали около десяти, следовательно, его хватило на неполных четыре часа.

Боль возвращалась не сразу, сперва она возникла в левом подреберье, через несколько минут в правом. Потом начало отдавать в спину, и наконец она толчками разошлась по всему телу, пронзительная, упорная боль — казалось, будто стая оголодавших коршунов разрывает внутренности.

Он лежал на спине на высокой и узкой железной кровати и глядел в белый потолок, где слабые отсветы ночника и уличных фонарей вычерчивали четкий и застывший узор, недоступный человеческому разумению, но такой же холодный и враждебный, как и вся комната.

Потолок был не гладкий, а сводчатый, из-за двух неглубоких дугообразных перекрытий он казался еще выше, а комната и без того была

высокой, целых четыре метра, и старомодной, как все в этом здании. Кровать стояла посреди комнаты, на каменном полу; кроме нее, здесь находились только два предмета: тумбочка и деревянный стул с прямой спинкой.

Шторы были сдвинуты неплотно, окно приоткрыто. Сквозь неширокую щель — в пять сантиметров — струился свежий и прохладный воздух, воздух весенней ночи, но одновременно больной с мучительным раздражением ощущал гнилостный запах от цветов на тумбочке и от собственного, истерзанного страданием тела.

Он не спал, он просто лежал не двигаясь и думал о том, что действие укола скоро прекратится.

Примерно час назад он слышал, как ночная сестра прошла мимо его двойных дверей, стуча деревянными башмаками. С тех пор он не слышал ни звука, кроме своего тяжелого дыхания да затрудненной, аритмичной пульсации во всем теле, но это были не настоящие звуки, а скорее детища фантазии, естественные спутники страха перед болью, которая — он знал — скоро вернется, и безумного страха смерти.

Больной всегда был суровым человеком и не прощал другим ни слабостей, ни ошибок. Он, разумеется, и мысли не допускал, что сам способен пасть духом, загнить физически или духовно.

А теперь он испытывал страх, мучился от боли, казался себе беспомощным и слабым. За недели, проведенные в больнице, все чувства его обострились, он стал неестественно восприимчив к физической боли, теперь он боялся даже обычных инъекций, боялся даже ежедневного анализа крови из вены. Кроме того, он страшился темноты, не переносил одиночества и приучился улавливать те звуки, которые раньше проходили мимо его ушей.

От исследований — врачи, как в насмешку, называли это «расследованием» — он терял в весе, и состояние его все ухудшалось. Но чем дальше заходила болезнь, тем сильнее становился страх смерти, и наконец, сорвав с него защитные оболочки, он завладел всеми его помыслами, оставил его в состоянии полной духовной обнаженности и беспредельного, почти непристойного эгоизма.

Что-то зашуршало в саду под окном. Верно, какое-нибудь животное шуршит голыми ветками роз. Полевка или еж, а может, просто кошка. Хотя ежи, кажется, не проснулись еще от зимней спячки.

«Да, да, скорей всего, это какое-нибудь животное», — подумал он и, не в силах дальше терпеть боль, протянул свободную, левую руку к электрическому звонку, который висел очень

удобно, как раз на расстоянии вытянутой руки, захлестнув петлю вокруг спинки кровати.

Но когда его пальцы коснулись холодного железа, рука непроизвольно дрогнула, он промахнулся, петля соскользнула вниз, и выключатель упал на пол с резким стуком.

Этот звук помог ему собраться с мыслями.

Сумей он дотянуться до звонка и нажать белую кнопку, над его дверью вспыхнула бы красная сигнальная лампочка, и вскоре из дежурной комнаты, гроыхая деревянными башмаками, явилась бы ночная сестра.

Но поскольку он при всех своих страхах был не лишен еще суетного тщеславия, ему подумалось, что неудача со звонком, пожалуй, к лучшему.

Сестра вошла бы в палату, зажгла бы верхний свет, взглянула бы вопросительно на него, раздавленного болезнью и страданием.

Некоторое время он лежал неподвижно и чувствовал, как боль то отходит, то снова накатывает судорожными рывками, будто взбунтовавшийся экспресс, ведомый безумным машинистом.

Потом у него возникла новая потребность, потребность помочиться.

Утку можно было достать рукой, она лежала в желтой пластмассовой корзине для мусора

за тумбочкой. Но он не желал пользоваться уткой. Если надо, он может и встать. Кто-то из врачей даже говорил, что ему полезно двигаться.

Он решил встать, открыть обе двери и добраться до уборной, расположенной как раз на середине коридора. Это будет небольшим развлечением, практической задачей, которая хоть ненадолго направит его мысли по другому руслу.

Он откинул одеяло и простыню, перешел из лежачего положения в сидячее и просидел несколько секунд на краю кровати, не доставая ногами до пола. За это время он оправил на себе белую ночную рубашку и услышал, как от его движений пластмассовая подстилка трется-шуршит о матрас.

Затем он осторожно спустил ноги и почувствовал прикосновение холодного пола к покрытым испариной ступням. Затем он попытался выпрямиться — не без успеха, хотя широкие полосы пластыря резали пах и бедра. С него все еще не сняли давящую повязку из пенопласта, наложенную вчера на область паха после аортографии.

Шлепанцы стояли под тумбочкой, он сунул в них ноги и неуверенно, ощупью пошел к дверям. Первая дверь открывалась в комнату, вторая в коридор, он открыл обе и пошел по слабо освещенному коридору к уборной.

Там он помочился, вымыл руки холодной водой, а на обратном пути задержался в коридоре, прислушиваясь. По коридору разносился приглушенный звук транзистора, принадлежавшего сестре. Ему опять стало нехорошо, опять накатила страх, и тогда он надумал зайти к сестре и попросить, чтобы ему дали какие-нибудь обезболивающие таблетки. Большого проку от этих таблеток не будет, но все-таки сестре придется открыть шкафчик с медикаментами, достать банку, потом налить ему соку, во всяком случае, он хоть кого-то заставит собой заняться.

До комнаты сестер было метров двадцать, и дорога заняла немало времени. Шел он медленно, волоча ноги, и влажная от пота ночная рубашка шлепала его по икрам.

У сестер горел свет, но там никого не было. Только транзистор пел сам для себя между двумя недопитыми чашками кофе.

Ясное дело, и сестра, и нянечка заняты в какой-нибудь палате.

Все поплыло перед его глазами, и он навалился на дверной косяк. Через несколько минут стало чуть легче, и он медленно побрел по полутемному коридору к себе в палату.

Двери были приоткрыты — так он и оставил. Он аккуратно затворил их за собой, дошел до кровати, скинул шлепанцы, лег на спину, зябко

вздрогнув, натянул до подбородка простыню и одеяло. Он лежал тихо, с широко открытыми глазами и чувствовал, как мчится, мчится по телу обезумевший экспресс.

Что-то изменилось в комнате. Сместился узор на потолке.

Это он заметил почти сразу.

Интересно, почему тени и отсветы приняли иное положение?

Он обвел взглядом голые стены, повернул голову направо и поглядел на окно.

Когда он уходил, окно было открыто. Это он помнил точно.

Теперь оно было закрыто.

Безумный страх охватил его, и он протянул руку к звонку, но звонка на месте не оказалось. Он забыл поднять провод и выключатель с пола.

Он стиснул пальцами железную перекладину кровати, то место, где полагалось быть звонку, и опять поглядел на окно.

Плотные шторы по-прежнему не сходились сантиметров на пять, но висели они не так, как прежде. И само окно было закрыто.

Не побывал ли в комнате кто-нибудь из персонала?

Маловероятно.

Пот выступил у него из всех пор, чувствительная кожа ощутила прикосновение липкой и холодной рубашки.

Раздираемый страхом, не в силах отвести глаз от окна, он начал приподниматься.

Шторы висели совершенно неподвижно, но он не сомневался, что за ними кто-то прячется.

«Кто?» — подумал он.

Кто?

И собрал остатки здравого смысла: должно быть, это галлюцинация.

Теперь больной стоял возле кровати на каменном полу и трясся всем телом. Он сделал два неуверенных шажка к окну. Остановился, втянул голову в плечи, губы у него дрожали.

Человек, стоявший в оконной нише, отбросил штору левой рукой и одновременно достал штык правой.

На длинном и широком лезвии вспыхнули отблески света.

Человек в лыжной куртке и твидовой кепке сделал два быстрых шага вперед, остановился, расставив ноги, прямой и высокий, и поднял оружие на уровень плеч.

Больной тотчас узнал его и хотел открыть рот для крика.

Тяжелая рукоятка штыка ударила его по губам, он еще почувствовал, как треснули от удара губы и хрустнула вставная челюсть.

Больше он ничего не успел почувствовать.

Дальнейшее совершилось слишком быстро. Он утратил ощущение времени.

Следующий удар угодила в правое подреберье, штык вошел в тело по рукоятку.

Больной все еще стоял на прежнем месте, откинув голову, когда человек в лыжной куртке в третий раз занес свое оружие и разрезал ему шею от левого уха до правого.

Из рассеченного дыхательного горла с бульканьем и шипением вырвался слабый звук.

И все.

III

Дело было в пятницу вечером, когда стокгольмские рестораны, казалось бы, должны кишеть веселыми людьми, которые пришли поразвлечься после трудовой недели. Тем не менее в ресторанах по вполне понятной причине было пусто. За последние пять лет цены в них выросли почти вдвое, и лишь немногие из тех, кто живет на зарплату, могли себе позволить такое удовольствие хотя бы раз в месяц. Рестораторы кряхтели, жаловались на тяжелые времена, но те, кто не догадался превратить свое заведение в обычный кабаk или музыкальный салон, чтобы привлечь денежную часть молодежи, держались на поверхности лишь благодаря все растущему числу дельцов-маклеров, которые имели кредит и к тому же известную сумму на представительство и предпочитали заключать все сделки за ресторанным столиком.

«Золотой мир»¹ в Старом городе не составлял исключения. Было уже поздно, пятница успела превратиться в субботу, но до сих пор в одной из ниш верхнего зала сидели два посетителя, мужчина и женщина. Начали они с ростбифа, теперь пили кофе и пунш и тихо переговаривались через столик.

Две официантки тоже сидели за маленьким столиком против входных дверей и складывали салфетки. Та, что помоложе, рыжеволосая и с усталым лицом, поднялась, бросила взгляд на часы над буфетом, зевнула, взяла салфетку и направилась к посетителям.

— Будете еще что-нибудь заказывать, пока не закрыли кассу? — спросила она и смахнула салфеткой табачные крошки со скатерти. — Может, вы, господин комиссар, хотите кофе погорячей?

Мартин Бек, к своему удивлению, был польщен тем, что официантка его знает. Обычно он раздражался, когда ему напоминали, что он как глава государственной комиссии по расследованию убийств является лицом более или менее

¹ «Золотой мир» открылся еще в 1722 году и считается чуть ли не самым старым рестораном в Европе, сохранившим первоначальный облик. Назван в честь Ништадского мирного договора (1721), ознаменовавшего окончание двадцатилетней Северной войны между Россией и Швецией.

популярным. Но с тех пор как он последний раз давал свое фото для газет или выступал по телевидению, прошло немало времени, и обращение официантки можно было принять скорее за доказательство того, что в «Золотом мире» его считают завсегдаем. И, надо сказать, не без оснований, ибо вот уже два года он живет неподалеку отсюда и уж если ходит куда-нибудь обедать, то чаще всего именно в «Золотой мир». Правда, в компании, как нынче вечером, он бывает здесь крайне редко.

Девушка, сидевшая напротив, была его дочь. Звали ее Ингрид, ей минуло девятнадцать лет, и, если отвлечься от того, что она была очень светлая блондинка, а он — очень темный брюнет, они были похожи друг на друга.

— Хочешь еще кофе? — спросил Мартин Бек.

Ингрид отрицательно помотала головой, и официантка ушла выписывать счет. Мартин Бек вынул из ведерка со льдом бутылочку пунша и разлил остаток по стаканам. Ингрид маленькими глотками прихлебывала из своего.

— Надо бы нам почаще это делать, — сказала она.

— Пить вместе пунш?

— Ммм, пунш — это тоже недурно. Но я не про то: надо почаще встречаться. В следующий

раз я приглашу тебя обедать к себе, на Клостервеген. Ты даже не видел, как я устроилась.

Ингрид ушла из дому три месяца назад, когда родители развелись. Мартин Бек частенько задавал себе вопрос, решился бы он сам расторгнуть привычный и налаженный брак с Ингой, если бы Ингрид не толкала его на это. Сама она чувствовала себя дома не очень хорошо и, еще не окончив гимназии, поселилась вместе с подругой. Сейчас она изучала социологию в университете и недавно переехала в однокомнатную квартиру в Стоксунде. Покамест она снимала ее, но надеялась рано или поздно заключить договор на свое имя.

— Мама и Рольф были у меня позавчера, — сказала она. — Я хотела позвать и тебя, но никак не могла дозвониться.

— Да, я на несколько дней уезжал в Эребру. Ну как они там?

— Хорошо. Мама притащила полный чемодан всякого добра. Полотенца, салфетки, голубой кофейный сервиз, всего и не упомнишь. Между прочим, мы говорили о дне рождения Рольфа. Мама хочет, чтобы мы у них пообедали. Конечно, если ты сможешь.

Рольф был на три года младше Ингрид. Они были до удивления разные, как только могут быть разными брат и сестра, но всегда отлично ладили.

Шеваль М., Валё П.

Ш 37 Негодяй из Сефлэ : роман / Май Шеваль, Пер Валё ; пер. со швед. С. Фридлянд. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-20568-0

Май Шеваль и Пер Валё — шведские журналисты, авторы знаменитого цикла романов о комиссаре Мартине Беке, удостоенных престижных литературных наград как в Европе, так и в Америке.

В романе «Негодяй из Сефлэ» (1971) Мартин Бек расследует жестокое убийство своего коллеги — комиссара полиции с весьма неоднозначной репутацией. Команда опытных детективов, выйдя на след преступника, понимает, что тот вряд ли остановится...

УДК 821.113.6

ББК 84(4Шве)-44

Литературно-художественное издание

МАЙ ШЕВАЛЬ, ПЕР ВАЛЁ
НЕГОДЯЙ ИЗ СЕФЛЁ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 02.12.2021. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

A-MBD-29457-01-R